проблеме по-мирскому и, чтобы показаться хорошим жалующемуся, говорит ему:

– Э, разве ты не знаешь его? Только теперь ты узнал, какой он на самом деле! Отстранись от него, не обращая на него внимания.

Так пожаловавшийся брат как будто успокаивается, послушав своего духовника, однако его испорченный помысел против брата закрепляется. Позже приходит к духовнику другой брат и жалуется на предыдущего. Духовник успокаивает его тем же неправильным способом, и закрепляет его плохой помысел на брата.

Я, – говорит Старец, – если захочу, таким способом и диавола успокою – не только братьев. Но смотри, что потом случается, поскольку действует Божественная правда.

Так как братья продолжают иметь испорченный помысел один на другого, то доходят до такого накала, что начинают обвинят друг друга: «Ах ты такой! – Даже и духовник, с которым я беседовал, имеет о тебе такое же мнение». И тут оба они устанавливают, что духовник, желая каждому угодить, подтверждал их взаимные подозрения.

Результат: духовник обоим повредил образ мыслей.

Я же стараюсь поступать совсем иначе. Например, приходит ко мне глава семьи и в большом волнении начинает обвинять свою жену во многих неприятностях и ссорах, которые случаются в его семье. В сущности он говорит то, что принял от своих плохих помыслов.

Я расспрашиваю его подробнее о проблемах в его семье, стараюсь понят ситуацию с точки зрения его жены, стараюсь показать ему ее добрые качества и всячески её оправдываю. В заключении же говорю ему, что нужно славить Бога за то, что Он дал ему такую хорошую жену,

и что именно он виновен в том, что между ними охладела любовь. Я объясняю ему, в чем находится источник его семейных проблем и стараюсь убедить его любить и беречь свою жену. Настойчиво убеждаю его отбрасывать от себя дурные помыслы, которые дьявол ему подсовывает. То же я делаю, когда приходит его жена с жалобами на него. Я порицаю её за её недостатки, убеждаю её отбрасывать плохие помыслы и стараться любить своего мужа, ценить его положительные качества.

В результате этого оба супруга понимают, что я был строг с ними, чтобы исправить их недостатки и плохие помыслы, и что цель моя была восстановить в них любовь.

ВИДЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОГО СВЕТА

Когда я жил в Катунаках, однажды во время ночной молитвы мною начала овладевать небесная радость. Одновременно моя келия, чью тьму лишь слегка освещал дрожащий свет свечи, начала мало-помалу наполняться прекрасным голубоватым светом. Этот таинственный свет был чрезвычайно сильным, однако, я чувствовал, что мои глаза выдерживают его яркость. Это был Нетварный Божественный Свет, который видели многие старцы Афона! Много часов я пребывал в озарении этого дивного света, не ощущая земные предметы, и находясь в духовном мире, совсем отличным от здешнего, физического.

Находясь в этом состоянии и принимая посредством того Нетварного Света небесные ощущения, я провёл многие часы, не ощущая времени. Но вот, понемногу начал исчезать этот благодатный Свет, и я пришёл в себя. Испытывая голод, я съел сухарь и глотнул немного воды. Будучи усталым, я сел отдохнуть, и чувствовал себя, словно животное. Это сознание моего ничтожества, что я пол-

ностью подобен скотине, во мне родилось от пережитого мною состояния. Из духовного мира я сразу спустился в свое жалкое состояние и, видя разницу, я осуждал себя и чувствовал отвращение к себе.

С такими чувствами я вышел наружу, и мне показалось, что еще была ночь и полнолуние. В то время случайно проходил некий брат, и я спросил его:

– Э, брате, что происходит? Как будто сегодня опаздывает рассвет. Который час?

Брат, удивлённый, переспросил:

– Отец Паисий, что ты сказал? Я не понял.

Тогда только я сообразил, что случилось: уже было около десяти часов утра и казавшееся мне «полнолунием» на самом деле было солнце.

Таким образом Нетварный Свет настолько был сильным, что в сравнении с ним солнечный свет казался как ночь в полнолуние! Тем не менее мои глаза получили способность выдержать яркость того света.

Рассказав этот случай мне, Старец повелел мне уйти, потому что к нему пришли другие паломники. Уходя к себе, по дороге, я почувствовал своё во всём скотское состояние.

ЛЮБОВЬ К БОГУ И К ЛЮДЯМ

«Главнейшая обязанность человека – любить Бога и потом своего ближнего, и более всего – своего врага. Если мы возлюбим Бога так, как нужно, то мы сохраним и все другие Его заповеди. Но мы не любим ни Бога, ни своих ближних. Кто же сегодня интересуется другим человеком? Все интересуются только самими собой, но не другими, а за это мы дадим ответ. Бог, Который весь есть Любовь, не простит нам этого равнодушия по отношению к ближним».

«Добрый христианин любит сначала Бога, а потом и человека. Избыточествующая любовь изливается и на животных, и на природу». То, что мы, современные люди, разрушаем окружающую среду, показывает, что мы не имеем любви.

Старец является жизнеописателем святого Арсения Каппадокийского, который славился своею любовью к людям. Об нем Старец Паисий писал: «Жизнь отца была святой и, подобно духовному генератору, который приводила в движение великая и всеобъемлющая любовь Божия, всегда чудесным образом сообщала благодать Божию не только христианам, но и туркам, и верующим, и неверующим».

Старец сказал: «Кто от чистой любви труждается ради своего ближнего, тому само утомление приносит отдых. Тот же, кто любит себя самого и ленится, утомляется от своего бездействия». Мы должны обратить внимание на то, что должно побуждать к делам любви, как нам указывает старец. Я должен утруждаться ради другого от чистой любви, и ничего более не имею в виду. Многие проявляют свою любовь по отношению к некоторым людям, и тут же делают их подвластными себе.

Старец сказал: «В любви к нашему ближнему сокрыта наша великая любовь ко Христу. В нашем благоговении перед Богородицей и святыми тоже сокрыто наше великое благоговение перед Христом». Этим сохраняется христианская любовь и качественно отличается от любви мирских людей.

Милостыня – это выражение любви. Современные христиане почти забыли эту добродетель. Старец напоминает не только о ее необходимости, но и о ее духовных плодах: «Духовного изменения, которое происходит в душе, и сердечного ликования от одной только